

М.В. Черкасова

ЦЕРКОВНЫЕ АРХИВЫ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ 1851-1930 ГГ.: ФОРМИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАННОСТИ

Во второй половине XIX в. среди архивов РПЦ основное место заняли консисторские архивы, которые принимали документы присутствия и канцелярии духовного учреждения, ликвидированных монастырей, закрытых духовных школ, управлений и т.п. Нередко в консисторские хранилища поступали бумаги разукрупненных епархий. Деятельность консисторских архивов впервые была регламентирована в Уставе духовных консисторий 1841 г. В нем содержались статьи, регулирующие порядок передачи дел в архив, требования к их хранению и описанию. Согласно утвержденному порядку за конченные делопроизводством дела в трехлетний срок должны были передаваться столоначальниками в архив. Прием дел в архив производился по сдачным описям¹.

Присутствие должно было ежегодно проверять состояние консисторского архива и сообщать результаты обследований в Святейший Синод.

В соответствии с требованиями устава, учрежденная в связи с образованием Самарской губернии и епархии в 1851 г. духовная консистория имела в своей структуре архив, которым заведовал специальный сотрудник – архивариус. Архив принял передаваемую из Сибирской, Саратовской и Оренбургской консисторий документацию за период до 1851 г., касающуюся управления той территории, которая вошла в состав созданной Самарской губернии.

Первоначально консистория размещалась в доме ее секретаря Ивана Дмитриевича Трунева, а консисторский архив - в надворных строениях того же дома: в каменной постройке хранились метрические книги по церквям Самарской епархии, остальной архив «с менее важными документами» располагался в деревянном неотапливаемом помещении. Именно в этой деревянной постройке в ночь с 9 на 10 декабря 1852 г. произошел пожар, уничтоживший часть консисторского архива, а именно: 14 096 дел за период 1815 по 1851 гг. В том числе дела, переданные из Симбирской и Оренбургской консисторий, клировые ведомости по одному Симбирскому округу за 1815-1849 гг., ревизские сказки седьмой (1815 г.), восьмой (1833 г.) и девятой (1850 г.) народных переписей, ведомости о свечном доходе за 1815-1851 гг. и исповедные росписи по Симбирскому округу с 1776 г., по Оренбургскому с 1806 г., и Саратовскому с 1836 по 1852 г., за исключением четырех книг «за разные годы, которые внесены были в Канцелярию для справок»².

После пережитого пожара архив пополнялся вновь сформированными делами. В 1905 г. духовная консистория и ее архив переехали в новое безопасное от пожара помещение, построенное по проекту Щербачева.

Помимо ведения собственного архива Самарская духовная консистория контролировала состояние благочиннических и церковных архивов. Так, в 1889 г. Самарская духовная консистория предписала благочинным произвести ревизию сохранности находившейся при них ретроспективной докумен-

тации. В результате проведенной в 1897-1898 гг. проверки выяснилось, что архивы благочиний хранились как правило в крупных церквях. Располагались они в сундуках, либо в запираемых шкафах. В состав хранимых документов входили: кассовые книги, отчетные ведомости «о движении свечных, кошельковых и переходящих сумм», реестры входящих и исходящих бумаг, клировые ведомости³. Порядок и технологию хранения документов сложно представить по имеющимся отчетам, в которых только немногие благочинные сообщают о составлении описей архивных документов.

В случае перемещения, увольнения или смерти благочинных их архив по акту передавался вновь назначенным на эту должность. Так, например, в 1915 г. новый благочинный 9 округа Бузулукского уезда с. Киселевки принял от своего предшественника по должности все дела, деньги и архив за последние 36 лет (1878 – 1914 годы), в том числе клировые ведомости, журналы входящих и исходящих бумаг⁴. Все имущество, в том числе и архивные дела, было принято по вещевой книге, что свидетельствует об отсутствии устоявшейся практики использования архивных описей в качестве учетных и справочных документов.

Благочинные непосредственно контролировали состояние церковных и монастырских архивов и делопроизводства в подведомственных им округах. В необходимых случаях соответствующие проверки производила и сама Консистория. Так, в 1869 г. в связи с выдачей священником с. Старой Мертовщины одному крестьянину неверной справки о рождении, духовная консистория произвела ревизию метрических книг, хранившихся в церкви этого села. При этом выяснилось, что метрические книги за 1785-1827 и 1808-1856 годы «растрапаны, листы перемешаны и в порядок не приведены, что не делает чести ни штатному причту, ни благочинному»⁵. В итоге Консистория предписала всем благочинным пересмотреть метрические книги за прежние годы, прошнуровать и переплести их.

Благодаря такому вниманию консистории к сохранности документов ей удалось сформировать крупный архив, который к 1914 г. насчитывал уже 101487 дел. В состав консисторского архива входила: документация Самарского духовного правления, Ставропольского духовного правления, а также переданные из Оренбургской, Симбирской и Саратовской духовных консисторий дела за 1748-1851 гг. и переправленные в Самарскую консисторию из упраздненного в 1863 г. Вольского духовного правления метрические книги за 1791-1851 гг. и исповедные росписи (за 1797-1851 гг.)⁶.

Однако последовавшие после 1917 г. события, в том числе реквизиция церковных зданий 1917-18 гг. привели к утрате значительного церковного архивного наследия. Это пытались предотвратить формируемая с 1918 г. государственная архивная служба.

В архивном ведомстве стал активно обсуждаться вопрос о церковных архивах. В ноябре 1919 г. архивы бывших духовных консисторий (до 1863 г.) были

включены в ведение Единого Государственного Архивного Фонда и подлежали обязательному сохранению и передаче в государственные архивы.

Тем временем на местах учащались случаи гибели и порчи церковных документов. Например, в 1918 г. в здании Самарской духовной консистории расположилась воинская часть. Архив находился на первом этаже, а на втором хранились дела, не законченные делопроизводством. Пострадали все документальные собрания: готовящиеся к передаче в архив дела были перемещены со второго этажа ко входу в подвальное помещение, по свидетельству очевидцев: «эта часть архива расхищалась не только красноармейцами, живущими в этом здании, но и приходившими с улицы»⁷. Архив, располагавшийся на нижнем этаже, пострадал от размещавшейся здесь же гауптвахты и расхищался арестованными. 12 января 1919 г. военное ведомство вовсе потребовало вывести архив из здания. В итоге часть консисторской документации была перемещена в сырой подвал дома Наумова, другая часть архива, усилиями создавшегося губернского архива была упорядочена и размещена в здании старообрядческой церкви на ул. Льва Толстого. Остальная часть документов хранилась в Алабинской церкви.

Только в 1924 г. вся сохранившаяся документация консистории была перемещена в центральное архивохранилище губернского архива.

Проблема передачи на государственное хранение архивов церквей и монастырей Самарской губернии решалась на протяжении 1920-1930-х гг.

20 января 1926 г. циркуляром Центраархива предписывалось учесть и сконцентрировать в архивохранилищах архивные фонды монастырей. В результате проведенного обследования и сбора сведений о монастырских архивах Самарской губернии выяснилось, что из 14 таких архивов, находившихся в губернии, 5 было принято на хранение уездными архивами, 1 остался при монастыре, при 3 монастырях документов не было обнаружено, 1 архив был полностью уничтожен в 1920 г., и о 4 монастырских архивах сведений не поступило⁸.

В следующем году перед местными архивными органами вновь была поставлена задача «сконцентрировать в государственные архивохранилища архивы монастырей, церквей, дворцов, усадеб и др.». В случае необходимости надлежало провести обследование этих архивов. При этом циркуляр предписывал архивистам «иметь в виду, что персонал, фактически ведавший архивом, иногда состоит из категории «бывших людей», которые препятствуют обследованию и передаче архива в ведение госархивного учреждения». В циркуляре приводился пример архива Троице-Сергиевой лавры, который, как указывалось в документе, «в течение всех лет революции находился «в руках лиц, причастных к бывшему монастырю и где установлено исчезновение значительного количества ценных в историческом отношении документов и дел»⁹. В соответствии с этими указаниями Самарское губернское архивное бюро 8 марта 1927 г. разослало во все уездные архивы просьбу дать сведения обо всех

имеющихся у них помещичьих, усадебных и монастырских архивах¹⁰.

Вновь вопрос о церковных архивах был поднят в 1930 г., когда был издан циркуляр о принятии на хранение документов церквей до 1918 г. В первую очередь подлежали сдаче документы ликвидируемых религиозных учреждений. Это было связано с тем, что в конце 1920-х – начале 1930 гг. по всей стране прокатилась волна закрытия церквей. Специальные фондовые комиссии при участии представителей соответствующего архивного бюро должны были изымать из ликвидируемых церквей архивные материалы, печатные и рукописные книги и передавать их на хранение в госархивы. Однако и это не привело к существенному пополнению архивов церковной документацией, так как с конца 1920-х гг. была упрощена процедура передачи документов организаций на переработку в бумажные фабрики. Началась новая макулатурная кампания, ход которой должны были контролировать архивные органы. Однако зачастую архивы и библиотеки церквей сдавались на утилизацию без согласия государственных архивов. В Центраархив неоднократно поступали сведения об уничтожении ценных дел и книг из церковных архивов. К 1930 г. об уничтожении церковных архивов сообщили Смоленское, Брянское, Самарское, Клинцовское, Казанское и другие архивные бюро¹¹. Средневолжское краевое архивное управление в январе 1930 г. сообщало, что агенты Государственного фонда, ликвидируя церковное имущество, одновременно сдают Госторгу на утиль и церковные архивы¹². Так были уничтожены многие ценные документальные комплексы. Например, архивы старейшего в г. Самаре Казанского собора, Белокриницкой церкви, Софье-Никольской церкви были отправлены на переработку в бумажные фабрики, а изъятая из архива Белокриницкой церкви Библия времени Ивана Грозного оказалась в частных руках инспектора городского финансового отдела. Видя со стороны представителей государственной власти такое отношение к документам церкви, религиозные служители пытались любыми способами уберечь свои архивы от внимания государственных учреждений и старались сохранить их в частном порядке.

Таким образом, со второй половине XIX в. в Самарской епархии формировалась иерархичная четкая система церковных архивов, центральное место среди которых занимала консистория, сформировавшая за время своей деятельности обширный комплекс архивных материалов, хранение которых осуществлялось в соответствии с требованиями устава. Однако этот процесс становления системы церковных архивов был прерван революционными событиями. В результате архивной реформы документы церковных и монастырских архивов стали поступать в государственные хранилища, что неизменно сопровождалось чрезвычайными условиями, связанными с процессом ликвидации религиозных учреждений. Это осложняло работу местных архивистов, чьи стремления сохранить архивный

материал наталкивались на противодействие местных администраций, отделений Государственной торговой экспортно-импортной конторы (Госторг), а нередко и самих служителей культа и прихожан, не доверявших государству сохранение своего документального наследия.

Примечания:

¹ Устав духовных консисторий. Спб., 1843. – С. 46.

² Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 504. Л. 7 об.

³ ЦГАСО. Ф. 32. ОП. 6. Д. 6701. Л. 2.

⁴ ЦГАСО. Ф. 32. ОП. 6. Д. 7087. Л. 2.

⁵ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2082. Л. 10.

⁶ ЦГАСО. Ф. 32. ОП. 6. Д. 7308. Л. 1-1об.

⁷ Ф.Р-780. Оп.2. Д. 7. Л. 4.

⁸ ЦГАСО. Ф.Р-780. Оп. 2. Д. 72. Л. 80-81.

⁹ ЦГАСО. Ф.Р-780. Оп. 1. Д. 74. Л. 9.

¹⁰ Там же. Л. 19.

¹¹ ГАРФ. Р-5325. Оп. 9. Д. 1937. Л. 75.

¹² ЦГАСО. Ф.Р-636. Оп. 2. Д. 8. Л. 60.